

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 760-775.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.760
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Ivan Jakovlevich Korostovetz – Russian, Imperial Diplomat and Researcher – from China to Persia

Nugzar K. Ter-Oganov ^{a, b, c, *}

^a Tel Aviv University, Tel Aviv, Israel

^b Cherkas Global University (International Network Center for Fundamental and Applied Research), Washington, USA

^c Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract

This article examines the rich diplomatic and research activities of Ivan Jakovlevich Korostovetz in the Far East and Persia. Deep knowledge and practical acquaintance with China and Mongolia made it possible for I.J. Korostovetz to engage in scientific research of the history of these countries, as a result of which a number of interesting works were published. Thanks to his experience and professionalism, in 1905 he was elected as a secretary of the Russian delegation headed by famous S.Yu. Witte at the Portsmouth Peace Conference. He also played an important role in the achievement of political independence by Mongolia, for which a century later, in 2014, the grateful Mongolian people erected a monument to him in their capital.

Before the outbreak of the World War I I.J. Korostovetz became in demand in the Middle East – in October 1913 he was appointed Envoy Extraordinary and Plenipotentiary to Tehran. Despite the short period of his service in Persia, he left a noticeable mark on the history of Russo-Persian relations. His diplomatic activity in Persia came at a dramatic period of world and, in particular, Russian history – at the beginning of the WWI, which changed the political situation in the Near and Middle East. The article shows how, in spite of the Anglo-Russian alliance that had developed before the war, the parties with special adherence to principles continued to fight for political and economic dominance in this country to the detriment of the other side. In the midst of the war, the controversy between I.J. Korostovetz and his British counterpart in Tehran, Sir Walter Townley, reached such an intensity that could call into question the joint actions of Russia and Great Britain in Europe against a common enemy.

Despite the general line of the Russian Foreign Ministry, headed by the architect of the Anglo-Russian rapprochement A.P. Izvolsky, aimed at achieving maximum agreement with the British in Persia to the detriment of even Russian interests in this country, I.J. Korostovetz, as a monarchist, did not shared the position of this department.

No matter how strange it may seem, but the tough upholding of Russian interests in Persia by I.J. Korostovetz and his uncompromising confrontation with his British colleague W. Townley served as the reason for their recall to their homeland.

It should be noted that I.J. Korostovetz is the author of interesting service reports related to Persia, in which an analysis of the political events taking place in this country is given. And after leaving for Russia and even being in exile, I.J. Korostovetz continued to be interested in the events taking place in Persia, which was reflected in his "Persian Arabesques" – unpublished memoirs covering the history of Russian-Persian relations from 1913 to 1929.

Keywords: I.J. Korostovetz, Russian diplomacy, Far East, Portsmouth Peace Conference, formation of the Mongolian State, S.Yu. Witte, Qajar Persia, N.G. Hartwig, S.A. Poklewski-Koziell, W. Tawnley, S.D. Sazonov, Nikolay II.

* Corresponding author

E-mail addresses: nugzar19473@gmail.com (N.K. Ter-Oganov)

1. Введение

Анализ деятельности известного русского дипломата и исследователя стран Дальнего Востока Ивана Яковлевича Коростовца представляет интерес не только для изучения вопросов истории русской дипломатии в странах Востока, но и для научного исследования его вклада в развитии востоковедения в виде его опубликованных и неопубликованных трудов, посвященных трем странам: Китаю, Монголии и Персии, то есть тем странам, где он исполнял свои обязанности как дипломат. Где бы он ни служил, порою занимая непримиримую позицию, независимо от политической линии российского Министерства иностранных дел везде он принципиально отстаивал интересы монархической России.

2. Материалы и методы

2.1. При написании статьи были использованы работы как российских, так и зарубежных авторов, занимающихся исследованием отдельных вопросов дипломатической и исследовательской деятельности, а также эпистолярным наследием И.Я. Коростовца. Была также привлечена литература по вопросам русско-иранских отношений, относящаяся к исследуемой теме. Особо следует отметить значение российского архивного материала, в том числе опубликованного, позволяющего объективно оценить дипломатические достижения И.Я. Коростовца.

2.2. Поскольку источников информации по исследуемому вопросу было немало, то при их обработке был использован метод сопоставления и критического анализа материала.

3. Обсуждение и результаты

Иван Яковлевич Коростовец родился в 1862 г. в Полтавской губернии в дворянской семье Якова Ивановича Коростовца и Александры Петровны Карцевой. После окончания в 1884 г. учебы в престижном Императорском Александровском лицее (бывший Царскосельский лицей) был принят на службу в Азиатский департамент МИДа России. Первое свое назначение за рубежом в качестве второго секретаря дипломатической миссии в Пекине он получил в 1890 году и прослужил до 1894 года. Уже тогда в русской периодической печати, в частности в газетах «Вестник Европы» и «Новое время», стали появляться его статьи по Китаю. Профессиональный интерес И.Я. Коростовца к этой стране нашел отражение уже в 1898 г. в вышедшей в Санкт-Петербурге его первой крупной публикации по Китаю под заголовком «Китайцы и их цивилизация». В 1894 г. он был назначен секретарем российской миссии в Рио-де-Жанейро, а в 1896 – в Лиссабоне. Осенью 1899 г. И.Я. Коростовец возвращается в Китай, на этот раз его назначили чиновником по дипломатической части при Главном начальнике Квантунской области и командующем войсками вице-адмирале Е.И. Алексееве, а в декабре того же года он прибыл в Порт-Артур. В июне 1900 г. во время «Боксерского восстания» в Китае И.Я. Коростовца отправили с походным штабом вице-адмирала Е.И. Алексеева под Тяньцзинь, где короткое время, с августа 1900 г. до сентября 1901 г., он управлял делами консульства России в этом городе.

В апреле 1902 г. И.Я. Коростовец неожиданно был назначен генконсулом в иранском Бушире – портовом городе, расположенном в Персидском заливе. Однако назначение такого опытного дипломата в этот регион, на наш взгляд, не было случайным, поскольку, как известно, на рубеже XIX–XX вв. там имел место резкий подъем военно-политической активности России. Тогда стремление России выйти к берегам Персидского залива и создать там военно-морскую базу вызвало серьезную тревогу в английских военно-политических кругах, усмотревших в этом реальную угрозу Индии – жемчужине английской короны. В то время было очевидным, что занятость Англии в бурской войне (1899–1902 гг.) подтолкнула Россию на эти действия (Ishtiaq, 1974: 46). Вопрос об англо-русском противостоянии в Персидском заливе вполне мог привести стороны к открытому военному столкновению, поскольку, по мнению британской военной разведки, Англия была заинтересована в сохранении статус-кво в Персидском заливе и в южной части Персии (Kazemzadeh, 1968: 401). Но тогда это противостояние не привело к военному столкновению по причине начала русско-японской войны 1904–1905 гг., в которой Россия потерпела поражение, в результате чего она была вынуждена перенести акценты своей внешней политики с Дальнего Востока в Европу.

Рис. 1. Александра Петровна Карцева с детьми Еленой, Катечкой и Иваном

Рис. 2. Иван Яковлевич Коростовец

Следует заметить, что своеобразным подведением промежуточных итогов дальневосточной политики Российской империи, одним из конструкторов и одновременно исполнителей которой являлся и сам И.Я. Коростовец, стала публикация в 1907 г. в Москве его книги «Россия на Дальнем Востоке»¹. В ней изложены многие интересные вопросы русско-китайских отношений, такие как «Боксерское восстание», участие России в его подавлении, события в Тяньцзине, а также исторические материалы о политической и экономической деятельности России на Дальнем Востоке.

Вслед за окончанием русско-японской войны 1904-1905 гг., зарекомендовав себя с наилучшей стороны как прекрасный знаток стран Дальнего Востока, И.Я. Коростовец был назначен секретарем возглавляемой председателем Комитета министров и бывшим министром финансов графом С.Ю. Витте российской делегации по мирной конференции с японцами в Портсмуте (США) в 1905 г.²

Рис. 3. На Портсмутской мирной конференции. 5 сентября 1905 года. Слева за столом переговоров: в центре С.Ю. Витте, крайний слева от него – И.Я. Коростовец. Все фотографии, публикуемые в данной статье, любезно предоставил нам правнук И.Я. Коростовца господин Карло Гастоне

Перипетии этих переговоров, включая их ход и результаты, И.Я. Коростовец подробно описал в своем дневнике, который он вел по просьбе С.Ю. Витте. Как известно, в 1918 году дневник И.Я. Коростовца был опубликован в нескольких номерах журнала «Бывшее». Далее английский перевод дневника вышел в Лондоне в 1920 г. под заголовком: "Pre-War Diplomacy: The Russo-Japanese Problem. The Treaty Signed at Portsmouth, USA, 1905: Diary of I.J. Korostovetz" ([Pre-War Diplomacy, 1920: 160](#)). Через три года после выхода английского перевода упомянутый дневник был опубликован в 1923 году в Пекине на языке оригинала – «Страница из истории Русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И.Я. Коростовца, секретаря Графа Витте».

После успешного завершения переговоров, из которых Россия вышла с минимальными территориальными потерями, И.Я. Коростовец в 1908 г. на какое-то время занимал должность вице-директора Первого департамента (бывший Азиатский департамент³) российского МИДа и считался признанным знатоком стран Дальнего Востока. Вот как охарактеризовал российский министр иностранных дел А.П. Извольский в своем докладе на имя императора Николая II значение фигуры

¹ Эта книга на русском языке под этим же заголовком была переиздана в Пекине в 1922 г.

² Кстати, о Коростовце и Набокове, как о «двух молодых и талантливых секретарях», сопровождавших российскую делегацию в Портсмуте, упоминает в своих «Воспоминаниях» граф С.Ю. Витте ([Витте, Том I. 1922: 362](#)).

³ С 1897 г. Азиатский департамент стал именоваться «Первым департаментом» ([Третьякова, № 3, 2015: 672-690](#)).

И.Я. Коростовца в урегулировании вопросов дальневосточной политики Российской империи: «Последние годы г-н Коростовец стоит во главе Отдела Дальнего Востока, где сосредоточено ведение всех политических дел, касающихся Китая и Японии. И таким образом он основательно ознакомлен [с этими делами] и даже принимал ближайшее участие в разрешении всех основных вопросов нашей дальневосточной политики, стоявших после [русско-японской] войны и долженствующих укреплять на долгое время наши [дружеские] отношения к соседнему Китаю» (АВПР. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 1876. Л. 7). Принимая во внимание блестящие дипломатические способности И.Я.Коростовца, 9 мая 1908 г. по рекомендации А.П. Извольского он был командирован в Пекин в качестве чрезвычайного и полномочного министра, должность которого он занимал с 1909 по 1911 гг.

Рис. 4. Иван Яковлевич Коростовец со своей семьей. Слева направо сидят: дочь Ольга, жена И.Я. Коростовца Александра Гордеева, сыновья Флавий и Вадим, И.Я. Коростовец и его сестра

Основательное знакомство с Китаем, и в целом с Дальним Востоком, дало возможность И.Я. Коростовцу принять активное участие в русско-китайских переговорах по пограничным вопросам, благодаря которому в 1911 г. был подписан Цицикарский протокол, который окончательно определил конфигурацию российско-китайской границы. Кстати, о роли И.Я. Коростовца в составлении и подписании Цицикарского протокола подробно рассказал российский исследователь А.П. Хохлов в статье «Российский дипломат И.Я. Коростовец и его роль в подготовке цицкарского протокола 1911 г.» (Хохлов, 2012: 259-275). Завершая обзор китайского периода его дипломатической деятельности, следует заметить, что вклад И.Я. Коростовца в китаеведение неоченим, что подтверждает и перечень его работ по Китаю, приведенный в справочнике П.Е. Скачкова «Библиография Китая» (Скачков, 1960).

Рис. 5. Русская община в российской миссии в Пекине. На балконе здания миссии третий справа – И.Я. Коростовец в дипломатическом мундире, рядом с отцом на парашете балкона сидит Ольга Ивановна Коростовец, 1911 г.

Через год после урегулирования российско-китайского пограничного вопроса, в 1912 г., И.Я. Коростовец был направлен в Ургу (Улан-Батор), в столицу Монголии, для ведения русско-монгольских переговоров. Как известно, трехмесячные переговоры завершились подписанием монголо-русского договора о дружбе, которым Россия признала независимость Монголии. В своей статье, посвященной И.Я. Коростовцу «Иван Яковлевич Коростовец» монгольский исследователь О. Батсайхан дал высокую оценку роли российского дипломата в деле достижения независимости Монголии (Батсайхан, 22.07.2018). И.Я. Коростовец пробыл в Монголии до мая 1913 года. Следует напомнить, что за подписание монголо-русского договора И.Я. Коростовец удостоился личной благодарности российского императора Николая II.

Близкое знакомство с Монголией, с историей и жизнью этой страны дало обильную пищу для осмысления исторического прошлого и настоящего монгольского народа, что в свою очередь нашло выражение в его многочисленных публикациях о Монголии. Среди его работ по Монголии «Дневник», который он вел с декабря 1912 по май 1913 гг. во время своего пребывания в этой стране под заголовком: «Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. – май 1913 г.», опубликованный в 1995 и 1996 гг. в журнале «Россияне в Азии» (Коростовец, № 2, 1995: 85-211; № 3, 1996: 225-292).

Этот же дневник позднее был издан и в Монголии на русском языке (Коростовец, 2009). Из зарубежных исследователей особый интерес к монгольскому дневнику И.Я. Коростовца проявил итальянский славист и писатель, профессор русского языка и литературы из Болонского университета Пьеро Кацолла, занимавшийся русско-итальянскими отношениями. Он перевел этот дневник с русского на итальянский язык и опубликовал его по частям в трех номерах журнала славистики «Slavia» в 1998–1999 годах (Korostovetz. Anno VII. Numero 3. 1998: 169-201; Anno VIII. Numero 1. 1999: 130-166; Anno VIII. Numero 2. 1999: 34-69)¹. Следует заметить, что деятельности И.Я. Коростовца в Монголии также посвятил свою статью «И.Я. Коростовец, «создатель Монголии», и русская дипломатическая миссия в Урге в 1912 г.» российский исследователь П.Н. Дудин. Он посредством анализа дипломатической переписки и других первоисточников определил место И.Я. Коростовца в вопросе создания монгольского государства (Дудин. Том 43. Вып. 1. 2017: 274-284).

¹ Следует заметить, что за заслуги перед монгольским народом в Улан-Баторе в сентябре 2014 г. состоялось торжественное открытие памятника И.Я. Коростовцу (Gastone, 2020: 18).

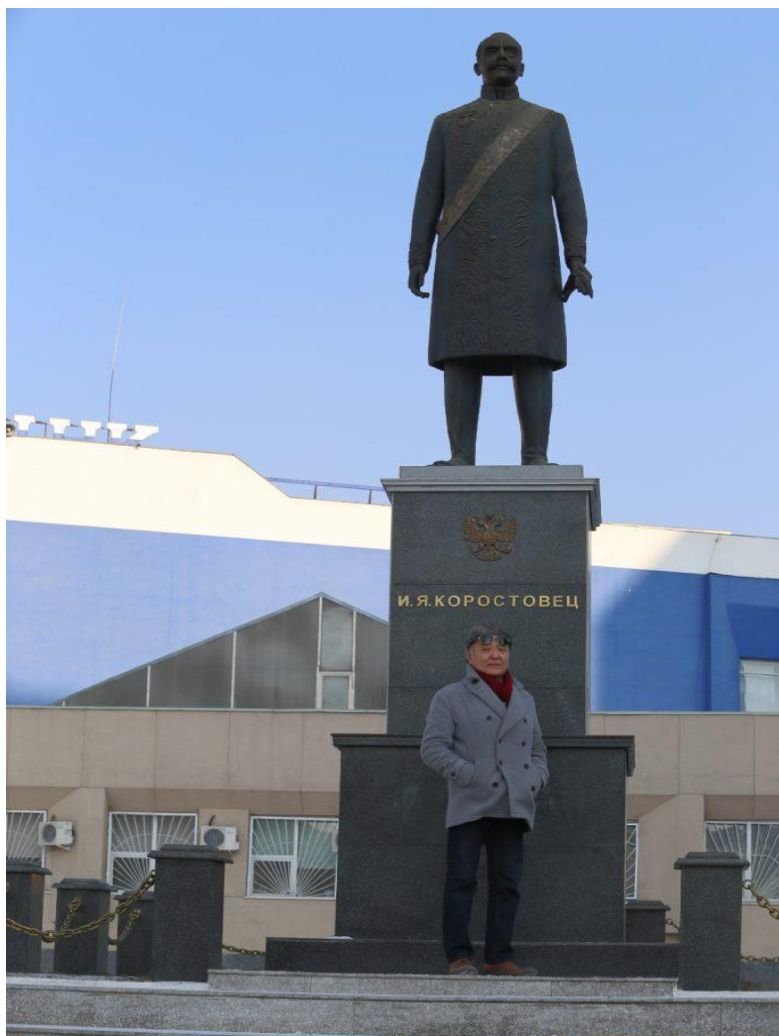

Рис. 6. Бронзовый памятник И.Я. Коростовцу, воздвигнутый в 2014 г. в Улан-Баторе в знак благодарности монгольского народа за содействие в достижении Монголией политической независимости. У постамента памятника его автор Дэнзен.

Глубокие познания в истории народов Дальнего Востока позволили И.Я. Коростовцу изложить историю монгольского народа с начала правления Чингисхана и до установления советской власти в этой стране в своем труде: «От Чингисхана до советской республики». Рукопись этой работы на русском языке в 2004 г. была опубликована О. Батсайханом (Коростовец, 2004).

Но задолго до публикации русского оригинала, еще в 1926 г., в Берлине вышел в свет немецкий перевод рукописи И.Я. Коростовца "Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik: Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berucksichtigung der Neuesten Zeit" (Korostovetz, 1926). Как видим, в немецком переводе к заголовку было добавлено пояснение о том, что это краткая история Монголии с особым акцентом на новое время. Спустя четыре года, в 1930 г., книга И.Я. Коростовца была издана и на японском языке.

Длительная служба И.Я. Коростовца на Дальнем Востоке прервалась в октябре 1913 года, когда он неожиданно был назначен Чрезвычайным посланником и полномочным министром в Тегеране при шахском дворе, куда он прибыл вместе с женой, дочерью Ольгой и сыном Флавиусом в сопровождении прислуги в самом начале 1914 года.

Рис. 7. Прибытие российского чрезвычайного и полномочного посланника И.Я. Коростовца вместе с дочерью Ольгой Ивановной Коростовец ¹ в Тавриз в 1913 г. Посланник в дипломатическом мундире в центре, а слева от него Ольга Ивановна, рядом с ней ее гувернантка Ольга Васильева

Как выясняется, причиной поспешного отъезда И.Я. Коростовца из Китая и возвращения в Санкт-Петербург стала его сложная семейная история². Причем еще до приезда в страну «Льва и Солнца», благодаря «друзьям» из МИДа, видимо, не разделявших его монархических взглядов, его опередили порочащие слухи, создавшие ему в Тегеране неблагоприятную служебную атмосферу.

¹ Как свидетельствуют семейные фотографии И.Я. Коростовца, Ольга Ивановна Коростовец сопровождала своего отца в странах Востока и, в частности, в Персии. Следовательно, она была очевидцем его дипломатической деятельности, что нашло отражение в составленных ею мемуарах, опубликованных ее внуком Карло Гастоне ([Gastone, 2020](#)).

² Кстати, в прологе мемуаров дочери И.Я. Коростовца Ольги Ивановны отмечается, что И.Я. Коростовец был вызван в Санкт-Петербург из-за семейных проблем, которые вскоре были улажены, и в октябре 1913 г. И.Я. Коростовец был отправлен в Персию в качестве полномочного министра ([Gastone, 2020: 18](#)).

Рис. 8. Ольга Ивановна Коростовец в саду российской миссии в Тегеране

Вместе с тем следует заметить, что принципиальность, твердость характера и присущая ему вспыльчивость с самого начала его службы в Персии не способствовали налаживанию равных отношений с его английским коллегой полномочным министром сэром Уолтером Таунли. Видимо, эти качества И.Я. Коростовца имел в виду находившийся в его подчинении в российской миссии воспитатель молодого правителя Персии Солтан Ахмад-шаха Каджара (1909–1925 гг.) К.Н. Смирнов, давая ему такую характеристику: «Это был человек очень умный..., человек скорее генерал-губернаторского скалада ума, чем дипломат..., его должны были использовать в России на соответственном поприще, хотя бы и в области международной политики, но назначать его в Персию посланником при его качествах характера было большой ошибкой Министерства иностранных дел» (Смирнов, 2002: 41).

Дело в том, что его взгляды на русскую политику в Персии и методы ее проведения на практике, как мы об этом узнаем также из его воспоминаний, не находили отклика среди многих соотечественников до такой степени, что позднее его даже стали сравнивать с большевиком: «Он смотрел в корень дела, – писал о нем К.Н. Смирнов, – и, держась взгляда значительной части нашей интеллигенции, что чем хуже, тем лучше¹, он был сторонником не сглаживания отношений с Персией, а наоборот, обострения...» (Смирнов, 2002: 41). Однако сравнение И.Я. Коростовца с большевиком, конечно, неуместно, поскольку, будучи дворянином, и, следовательно, монархистом, он в корне не разделял их радикальных взглядов. Но, анализируя его дипломатическую деятельность, следует признать, что для него была характерна жесткость в отстаивании имперских позиций России при решении проблем, что в полной мере проявилось во время его пребывания на посту полномочного министра в Тегеране. Что же касается причины такой жесткости, то, на наш взгляд, ее следует искать в предвоенной истории русской политики и англо-русских отношений в Персии.

Следует заметить, что тяжелое поражение России в войне с Японией (1904–1905 гг.) привело к резкому падению ее престижа, что не могло не сказаться на ее положении как на Дальнем Востоке, так и в целом на ее международных позициях. Оно привело к неожиданной для русских властей

¹ Следует заметить, что эта особая черта именно русской интеллигенции, постоянно недовольной и ищущей ответы на вопросы. В этом же ключе можно рассмотреть и извечный вопрос русской интеллигенции «Что делать?», завершившийся созданием Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) для свержения существующего режима и антиконституционным Октябрьским переворотом 1917 года.

метаморфозе в Персии, когда некогда находившаяся под полным влиянием и покровительством России Персия стала в открытую отстаивать свои права! (Витте. Том. I. 1922: 135-136).

Фактически русско-японская война стала поворотным пунктом для России, где вслед за ней произошла революция 1905 г., результатом которой было превращение России в конституционную монархию с созданием законодательного органа – Государственной думы. Вместе с тем революционные события в России, и в частности в Закавказье, расположенном по соседству с Персией, оказали большое влияние на углубление в этой стране народного недовольства правлением деспотического шахского режима. В дальнейшем спонтанное народное недовольство переросло в Конституционное движение, или Конституционную революцию (1905–1911 гг.), в основном в сфере русского влияния, с требованием ограничения произвола шахской власти. Именно в ходе Конституционного движения в Персии тогдашний правитель страны Мозаффар эд-Дин-шах Каджар (1896–1907 гг.) в 1906 г., находясь на одре смерти, был вынужден даровать народу, впервые в истории этой страны, конституцию и парламент. Следует заметить, что вскоре парламент стал тем органом, который вызвался защищать национальные интересы Персии от засилия великих держав, и в первую очередь России и Англии.

Англо-русское ожесточенное соперничество за преобладание в Персии на всем протяжении XIX в. привело к положению, когда на рубеже XIX–XX вв. в этой стране, особенно в ее северной части, преобладало русское влияние, а в южной – английское. Но со временем начала Конституционного движения соотношение стало меняться не в пользу России, что стало возможным из-за того, что это движение, активно поддерживаемое Англией, дало возможность нивелировать прежние преимущества России при шахском дворе.

Вместе с тем назначение в декабре 1905 г. на пост министра иностранных дел Великобритании Эдуарда Грея¹, с одной стороны, а с другой – появление в 1906 г. во главе российского внешнеполитического ведомства его русского визави А.П. Извольского (1906–1910 гг.) имело решающее значение в изменении дальнейшей линии внешней политики России в Персии. Тогда в российском МИДе присоединение к англо-французскому союзу в Европе и сближение с Англией считали жизненно необходимым для интересов России, поскольку акцент русской политики с Дальнего Востока сместился в Европу. Поэтому, как указывал позднее бывший российский дипломат и директор Азиатского департамента МИДа И.А. Зиновьев, еще в феврале 1907 г. А.П. Извольский сообщил английскому послу в Санкт-Петербурге Артуру Никольсону² о намечавшемся изменении русской политики в Персии, которое заключалось в следующем: «Воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела Персии; не прибегать к военным мерам, если только они не окажутся безусловно необходимыми и ограничивать эти меры возможно тесными пределами, если бы оказалось неизбежным приступить к ним; вообще же действовать в полном согласии с Великобританским правительством и ничего не предпринимать без предварительного соглашения с ним» [курсив наш – Авт] (Зиновьев, 1912: 37).

Новая внешнеполитическая линия российского МИДа нашла полное отражение в подписанном 31 августа 1907 г. в Санкт-Петербурге между сэром Артуром Никольсоном и Извольским англо-русском соглашении о разделе сфер влияния в Азии, и в частности в Персии, согласно которому страна была разделена на две сферы влияния: север Персии признавался сферой влияния России, а юг – Англии. Находившаяся между двумя сферами влияния территория признавалась нейтральной зоной³.

Это соглашение стало юридической основой раздела Персии на уже существовавшие де-факто сферы влияния. Хотя правительства России и Великобритании взяли взаимное обязательство «уважать целостность и независимость Персии», на самом деле это соглашение было заявлением о ее разделе, или превращении этой страны в полуколонии⁴.

Таким образом, подписывая англо-русское соглашение, Россия была готова пожертвовать своим господствующим положением в Персии ради получения английской поддержки в Европе перед лицом возрастающей германской угрозы. Тем не менее следует заметить, что в английском парламенте почти одновременно с заключением англо-русского соглашения была организована парламентская оппозиция, ядром которой стал так называемый «Комитет по персидским делам», одним из учредителей и активным участником которой был известный английский иранист,

¹ Сэр Эдуард Грей был одним из блистательных представителей английского Форин Офиса. Он более десяти лет возглавлял английский МИД с 1905 по 1916 гг. О нем см. следующую работу G.M. Trevelyan (Trevelyan, 1940: 107).

² Он занимал эту должность с 1906 по 1910 гг.

³ Об англо-русском соглашении см. The Cambridge History. Vol. III. 1971: 358-364

⁴ Как справедливо заметил по этому вопросу американский финансовый советник Морган Шустер в своей книге «Удушение Персии», англо-русское соглашение «произвело на персидский народ самое удручающее впечатление» (Shuster, 1912: XXIV).

профессор Эдвард Броун¹ (Скиф, 1912: 21). Что касается российской стороны, согласно сообщению автора брошюры «Персидский вопрос» Скифа, общественные круги России, равно как и политические партии, а также Государственная дума, фактически не проявляли интереса к «персидским делам» в ущерб экономическим и политическим интересам России (Скиф, 1912: 21-22).

Между тем не все пошло по выработанному сценарию: российский посланник в Тегеране Николай Генрихович Гартвиг, известный русский дипломат и сторонник продолжения прежней русской политики в Персии, не смирившись с политическим курсом А.П. Извольского, стал неугоден англичанам, а следовательно, и российскому МИДу². Как известно, его линия поведения не соответствовала планам российского МИДа. Особенно это стало наглядно, когда во время его нахождения на посту посланника с 1906 по ноябрь 1908 гг. в Персии произошел контрреволюционный переворот. Тогда при новом правителе этой страны Мохаммад Али-шахе (1907–1909 гг.), активно поддерживаемом Россией, Персидская казачья бригада под командованием полковника Ляхова 23 июня 1908 г. по приказу самого шаха подвергла бомбардировке персидский парламент, за которым последовали разгон парламента и политические репрессии. Это событие не прошло даром для Н.Г. Гартвига. По настоянию англичан в ноябре 1908 г. он был смещен с занимаемой должности и был отозван на родину.

После отъезда Н.Г. Гартвига российскую миссию возглавил поверенный в делах Е.В. Саблин, после которого при последующем посланнике С.А. Поклевском-Козелле не было особых осложнений в англо-русских отношениях, за исключением авантюрной попытки экс-шаха Мохаммада Али, попытавшегося в 1911 г. вернуть себе утраченный трон. Более того, российский посланник в свое время сам был одним из инициаторов подписания англо-русского соглашения 1907 г. и считался приближенным английского короля Эдварда и, следовательно, старался не конфликтовать с английской миссией (Korostovetz. Vol. I: 22). После отъезда С.А. Поклевского-Козелла, российской миссией снова стал руководить Е.В. Саблин. Последний, по замечанию К.Н. Смирнова, отличался вялостью, слабым характером и апатичностью, в дополнение к чему длительная служба за границей «сделала из него скорей космополита, чем русского». Причем, когда его назначали поверенным в делах, ему было рекомендовано «соображаться с указаниями английского посланника, как старшего коллеги» (Смирнов, 2002: 38-39).

Тем временем растущее антирусское настроение при шахском дворе³, вызванное колонизаторскими планами России в Северной Персии, стало набирать обороты. В этих условиях в МИДе решили усилить вес российской миссии в этой стране и назначить опытного дипломата И.Я. Коростовца на должность чрезвычайного посланника и полномочного министра.

Отправляя И.Я. Коростовца в Персию, в российском МИДе надеялись, что он приложит все усилия для полной координации действий с английской миссией в Тегеране по всем проблемным вопросам. Однако, ознакомившись с положением дел на месте, И.Я. Коростовец пришел к выводу, что англо-русское соглашение 1907 г. было выгодно исключительно только Англии, поскольку, как отмечал он в своей докладной записке «Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам», составленной 15 (28) мая 1915 г., «соглашение это гарантировало Англию от активной политики с нашей стороны относительно областей, сопредельных с ее индийскими владениями» (Коростовец. Том 4–5. 1934: 94). Причем, отдавая должное англо-русскому сотрудничеству, он не забывал о российских имперских интересах в Персии, которые фактически шли вразрез с английскими.

Более того, в условиях, когда в этой стране активизировалась германо-турецкая агентура сразу после начала Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и появилась угроза вторжения турецких войск в иранскую провинцию Азербайджан, российский и английский посланники не находили общего языка. Причину такого положения следует искать в том, что как одна, так и другая сторона считали положения англо-русского соглашения устаревшими и не отвечающими потребностям дня. Случилось так, что оба посланника, как И.Я. Коростовец, так и сэр У. Таунли оказались людьми принципиальными, честными и жестко отстаивающими интересы своих стран. Поэтому вопрос компромисса между ними был исключен. Не случайно, что за месяц до начала Первой мировой войны, 24 июня 1914 г., министр иностранных дел России С.Д. Сазонов с сожалением писал российскому послу в Лондоне, известному русскому дипломату и англофилу А.К. Бенкендорфу о возобновлении англо-русского соперничества в Персии (Ф.Н. Том 4. 1934: 92).

Следует отметить, что немалую долю в обострение англо-русских отношений внес и сам И.Я. Коростовец, когда в марте 1914 г. отстранил персидские власти в северной части страны от взимания поземельного налога – малиата – с русскоподанных и богатых персов, находившихся на

¹ Эдвард Броун – автор нашумевшей работы о Персидской революции (Edward Browne. *The Persian Revolution of 1905-1909*. London. 1966).

² В этой связи см. нашу статью (Тер-Оганов, 2009: 207-216).

³ Подобные настроения появились во дворце после того, как при молчаливом согласии России был свергнут в июле 1909 г. с трона прорусски настроенный Мохаммад Али-шах. Это событие оставило тяжелый след в памяти наследника престола, а в дальнейшем Солтан Ахмад Шаха, который не раз упрекал русских в предательстве (Смирнов, 2002: 195).

положении «протезе», и передал эти функции российским консулам (Коростовец. Том 4–5, 1934: 101), лишив тем самым местную администрацию возможности должным образом исполнять свои функции. Кроме того, при нем получила широкое распространение практика принятия богатых персов под русское покровительство, что явилось вопиющим нарушением суверенитета Персии. Массовое движение русских переселенцев из разных губерний Российской империи в северные провинции Персии, принявшее невиданные размеры, в результате которого появилось такое понятие, как «русское землевладение», передача поместий персидских феодалов в управление русскоподданных с целью уклонения от уплаты налогов, а также выдача ссуд со стороны русского Учетно-ссудного банка под земельное имущество, на фоне преобладания русской торговли в этой стране, еще больше осложняли положение страны. Более того, летом 1914 г. И.Я. Коростовец распорядился задержать таможенные поступления персидской казны, которые распределил по своему усмотрению: более половины собранной суммы он передал на содержание Персидской казачьей бригады по причине задержки выплат со стороны персидского правительства, а оставшуюся часть – на удовлетворение претензий русскоподданных к персидской казне (Ф.Н. Том 4, 1934: 89).

Одним из горячо обсуждаемых вопросов в сентябре 1914 г. между И.Я. Коростовцем и У. Таунли стало требование шахского правительства Персии о выводе русских войск из Северной Персии. Причем это требование, открыто или тайно, поддерживалось английской миссией, что являлось еще одним пунктом осложнений в англо-русских отношениях. При этом не следует забывать, что в ноябре 1914 г. турецкие войска начали общее наступление на Кавказ и Россия оказалась в нелегком положении. Несмотря на это, все эти проблемы стали предметом жарких споров между русской и английской миссиями. В таких условиях необходимость совместно бороться против общих врагов уступила место взаимным претензиям и попыткам наложить руку на нейтральную зону.

Между тем, исходя из своих геополитических и экономических интересов, Англия всеми силами противодействовала полному поглощению Россией Северной Персии, а также нейтральной полосы. Вместе с тем и Англия прилагала усилия для получения контроля над нейтральной сферой, мотивируя это «угрозой Индии». Таким образом, обе стороны были готовы нарушить объявленное англо-русским соглашением статус-кво в соответствии с изменившейся обстановкой в стране. Не лишне заметить, что российская сторона вопрос о нейтральной сфере увязала с вопросом передачи России черноморских проливов после успешного завершения войны английской стороной. Это означало, что Россия могла получить проливы только после окончания войны, тогда как Англия, как известно, еще в марте 1915 г. уже получила контроль над нейтральной зоной, за исключением Исфагана и Иезда с прилегающими к ним районами (Kazemzadeh, 1968: 677-678; Majd, 2003: 54).

Особую остроту приняла конфронтация между И.Я. Коростовцем и У. Таунли также по вопросу о строительстве трансперсидской железной дороги и об определении ее направлений. Как известно, исходя из своих торгово-экономических интересов и политики протекционизма, Россия в 1890 г. наложила вето сроком на 10 лет на строительство железной дороги в Персии, которое продлила еще на десять лет в 1900 году (Минц. № 3, 1923: 291). Следует заметить, что хотя позднее как Россия, так и Англия стали признавать необходимость строительства железной дороги, тем не менее их позиции кардинально расходились в той части, которая касалась ее конечных пунктов на юге: по замыслу англичан, конечным пунктом железной дороги должен был стать Бандер-Аббас в Персидском заливе, тогда как Россия стремилась к выходу в Индийский океан через Чахбехар (Ф.Н. Том 4–5, 1934: 91), что могло создать реальную угрозу Индии, чего так опасались в Англии. Поэтому нет ничего удивительного в том, что российское предложение английской стороной было отклонено. Этому проекту пришлось пролежать в ящике еще десять с лишним лет, пока его не стали претворять в жизнь, но это уже другая история, связанная с правлением Реза-шаха Пехлеви.

Помимо вышеперечисленных причин противостояния, был еще и сугубо коммерческий фактор, обострявший англо-русские отношения в Персии – заметное расширение русской торговли в этой стране за счет английской торговли, в связи с чем совершенно правильно замечание анонимного автора Ф.Н., отметившего методы действия царской России в Персии: «Дезорганизуя всю государственную, экономическую и общественную жизнь в Персии, поощряя разбойничьи шайки и разрушая финансы страны, царские агенты, под предлогом борьбы с ними, препятствовали английской торговле, где только могли» (Ф.Н. Том 4–5, 1934: 92).

Особо стоит остановиться на проблеме так называемой Персидской казачьей бригады, считавшейся шахским конвоем, а на самом деле находившейся под командованием русских офицеров-инструкторов и подчинявшаяся непосредственно российскому Генеральному штабу. Этот факт вызывал возмущение и недовольство как иранских националистов, так и англичан. По этой причине, по свидетельству И.Я. Коростовца, «наглядно обрисовалось мало дружественное отношение сэра У. Таунли к казачьей бригаде, коей он постоянно пытался противопоставить жандармерию, руководимую шведскими инструкторами» (Коростовец. Том 4–5, 1934: 93). Учитывая важность этой воинской части как действенного орудия русского влияния в Персии И.Я. Коростовец предлагал не использовать ее наподобие шведской жандармерии «для охраны порядка на дорогах или же взыскания налогов и податей для казначейства», а сохранить за ней традиционную роль шахского конвоя, дабы не раздражать как персов, так и англичан (Коростовец. Том 4–5, 1934: 112). Тем не менее

речь не шла об ограничении роли бригады, а совсем наоборот, по предложению И.Я. Коростовца следовало провести ее реорганизацию, что подразумевало создание ее отделов или отрядов во всех провинциях Северной Персии, тем самым закрепляя русское влияние в этой части страны.

По мнению И.Я. Коростовца, России следовало тесно привязать к себе северные провинции Персии: «Сократив поводы к бесполезным трениям с персидским правительством в Тегеране и к вредному соперничеству с Великобританией, мы с тем большей легкостью могли бы сосредоточить наше внимание на естественных и более доступных центрах влияния – в городах Азербайджана, Гиляна и Астрабадской провинций. С этой целью следовало бы усилить связь между этими областями и Россией, в частности с Тифлисом и Ташкентом, и установить непосредственную зависимость северных провинций Персии от кавказского наместничества и туркестанского генерал-губернаторства» (Коростовец. Том 4–5. 1934: 114).

Все шаги, предпринимаемые И.Я. Коростовцем для усиления влияния России в Персии, наталкивались на ожесточенное сопротивление Уолтера Таунли, что стало предметом обсуждений между Сазоновым и Греем. Причем оба посланника, как правило, обвиняли друг друга в срыве положений англо-русского соглашения. В такой ситуации после двусторонних консультаций внешнеполитические ведомства обеих стран приняли решение об одновременном отзыве своих посланников из Персии.

И.Я. Коростовец в марте 1915 года был отозван по требованию Англии из Персии, после чего он окончательно покинул дипломатическую службу (Ф.Н. Том 4–5. 1934: 86). Одновременно с ним покинул Персию и его оппонент сэръ Уолтер Таунли.

После возвращения И.Я. Коростовца в Петроград российский министр иностранных дел Сазонов вызвал его к себе и имел с ним тяжелый разговор, в ходе которого он высказал ему свое недовольство его линией поведения в Персии и объявил ему об окончании его дипломатической карьеры. Однако, несмотря на такой убийственный вердикт, император Николай II оказал весьма дружественный прием И.Я. Коростовцу с рукопожатием, одобряя его службу в Персии. Тогда император обещал Коростовцу найти русскому дипломату подобающее ему место, и он сдержал свое слово. В 1916 г. И.Я. Коростовец был назначен председателем Учетно-ссудным банком в Петрограде. В этой должности он встретил Февральскую, или Русскую революцию 1917 года, свергнувшую монархию Романовых и вызвавшую невиданный «разгул демократии» и приход к власти Временного правительства во главе с Керенским¹. Однако, вопреки ожиданиям, надежды либералов не оправдались. Неумелое руководство государством во время продолжавшейся мировой войны, расшатывание устоев государственного управления и преступный развал армии глупым «Приказом №1» Керенского, а также активная пропаганда большевиков сделали свое дело. В результате Октябрьского государственного переворота большевики легко узурпировали власть.

Побыв некоторое время в России, в надежде на падение нового режима, ища выход своим переездом то в Финляндию, то обратно в Россию, то на Украину и не найдя себе места под большевистской властью, И.Я. Коростовец, как и десятки и сотни тысяч его соотечественников, лучших представителей общества, русской элиты, был вынужден навсегда покинуть родину и эмигрировать во Францию. Приняв такое решение, И.Я. Коростовец спас себе и своей семье жизнь, поскольку очень многие из его соотечественников, оставшиеся в России, были убиты или во время «Красного террора», или же, уцелев тогда, позже стали жертвами сталинских кровавых репрессий 1930-х годов.

Русская эмиграция в Париже высоко оценила его вклад в историю отечественной дипломатии, когда в некрологе, посвященном кончине И.Я. Коростовца, 14 января 1933 г. посвятила ему следующие строки: «Выдающийся российский дипломат, известный своими большими способностями и блестящим знанием иностранных языков... И.Я. Коростовец был секретарем российской миссии в Портсмуте, русским посланником в Пекине, Монголии и в Тегеране, где с неизменным искусством и блеском представлял русские интересы» («Иллюстрированная Россия». № 3. 14.01.1933).

4. Заключение

Как мы убедились выше, в какой бы стране ни находился И.Я. Коростовец, он прекрасно совмещал свои служебные обязанности с изучением истории этих стран, таким образом внося свой вклад в развитие русского востоковедения. Хотя он был известен как исследователь стран Дальнего Востока, внесший свою лепту в изучение стран этого региона, тем не менее он проявлял такой же живой интерес к политическим событиям в Персии как во время своей работы в этой стране, так и после завершения дипломатической карьеры.

И.Я. Коростовец осуществлял дипломатическую деятельность в Персии как перед началом Первой мировой войны, так и в самый ее разгар, в бескомпромиссной борьбе по защите русских интересов, заняв непримиримую позицию в отношении своего английского визави – посланника Уолтера Таунли. В тех

¹ «Бедный русский медведь! – так писал Ф. Хейль в своем дневнике, – он нашел крылья и мог стать Пегасом, но, находясь в страшных родовых муках, он еще не знает, как ими пользоваться» (Hale, 1920: 156).

условиях, после подписания еще в 1907 г. англо-русского соглашения, принципиальная позиция И.Я. Коростовца в Персии, идущая вразрез с английской, вызывала неодобрение со стороны руководства российского МИДа. Несогласие с политической линией министра иностранных дел С.Д. Сазонова привело И.Я. Коростовца к отставке. В отличие от руководителя российского МИДа император Николай II выразил ему благодарность за его службу отечеству.

Революционные события в России, сначала Русская, то есть Февральская революция, и вскоре Октябрьский большевистский переворот привели к большим переменам в его жизни. Не смирившись с установлением большевистского режима, И.Я. Коростовец вынужден был вместе с семьей покинуть родину и уехать в эмиграцию.

О своей дипломатической деятельности в Персии, а также о русско-персидских отношениях, охватывающих 1913–1929 гг., он подробно рассказал в своих «Воспоминаниях» ("Persian Arabesques"), научный анализ которых мы предложим в нашей следующей статье.

Литература

- АВПР** – Архив внешней политики России.
- Батсайхан, 2018** – Батсайхан О. Иван Яковлевич Коростовец // *Монголия сейчас*. 22.07.2018.
- Витте, 1922** – Витте С.Ю. Воспоминания. Царствование Николая II. Берлин. 1922. Том I.
- Зиновьев, 1912** – Зиновьев И.А. Россия, Англия и Персия. Санкт-Петербург. 1912.
- Иллюстрированная Россия...** – Иллюстрированная Россия. Париж. 14.01.1933. № 3.
- Коростовец, 1995** – Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. – май 1913 г. // *Россияне в Азии*. 1995. № 2. С. 85-211; 1996. № 3. С. 225-292.
- Коростовец, 2009** – Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. Улаанбаатар, 2009.
- Коростовец, 1934** – Коростовец И.Я. Об упрочении англо-русских отношений по персидским делам // *Красный архив. Исторический журнал*. Москва. 1934. Том 4–5 (65–66). С. 93-117.
- Коростовец, 2004** – Коростовец И.Я. От Чингисхана до Советской республики. Улан-Батор, 2004.
- Коростовец, 1922** – Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. Пекин. 1922.
- Миц, 1923** – Миц С. Торговля Персии во время войны // *Новый Восток*. 1923. № 3.
- Скачков, 1960** – Скачков П.Е. Библиография Китая. Москва. 1960.
- Скиф, 1912** – Скиф С. Персидский вопрос. Англо-русское соглашение, его основные принципы и цели и пятилетние итоги. Москва, 1912.
- Смирнов, 2002** – Смирнов К.Н. Записки воспитателя персидского шаха. 1907–1914 гг. С приложениями. Под научной ред. Н.К. Тер-Оганова. Тель-Авив, 2002.
- Тер-Оганов, 2009** – Тер-Оганов Н.К. Письмо Н.Г. Гартвига К.Н. Смирнову как ценный источник для характеристики англо-русских отношений в Иране в начале XX века // *Иран. История, экономика, культура*. Москва, 2009. С. 207-216.
- Третьякова, 2015** – Третьякова Е.С. Становление Министерства иностранных дел Российской империи в XIX – начале XX века // *Genesis: исторические исследования*. 2015. № 3. С. 672-690.
- Ф.Н., 1934** – Ф.Н. Англо-русские отношения в Персии во время мировой войны // *Красный архив*. Москва. 1934. Том 4–5 (6-66). С. 86-93.
- Хохлов, 2012** – Хохлов А.Н. Российский дипломат И.Я. Коростовец и его роль в подготовке цикарского протокола 1911 г. // *Общество и государство в Китае*. №42 (2). 2012. С. 259-275.
- Browne, 1966** – Browne E. The Persian Revolution of 1905-1909. London, 1966.
- Dudin, 2017** – Dudin P.N. I.Ya. Korostovetz, "the Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Urga in 1912 // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 43 (1). Pp. 274-284.
- Gastone, 2020** – Gastone C. Memoires. Olga I. Korostovetz (1895-1993). Diario di Un'epoca. Torino, 2020.
- Hale, 1920** – Hale F. From Persian Uplands. New York, 1920.
- Ishtiaq, 1974** – Ishtiaq A. Anglo-Iranian Relations. 1905-1919. Bombay, 1974.
- Kazemzadeh, 1968** – Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study of Imperialism. New Haven and London, 1968.
- Korostovetz** – Korostovetz I.J. Persian Arabesque. Vol. I.
- Korostovetz, 1926** – Korostovetz I.J. Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik: Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berücksichtigung der Neuesten Zeit. Berlin. 1926.
- Korostovetz, 1998** – Ivan Jakovlevic' Korostovetz. Nove mesi in Mongolia // *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VII. 1998. Numero 3. Pp. 169-201.
- Korostovetz, 1999** – Ivan Jakovlevic' Korostovetz. Diario di un diplomatico russo in Mongolia (parte 2) // *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VIII. 1999. Numero 1. Pp. 130-166.
- Korostovetz, 1999** – Ivan Jakovlevic' Korostovetz. Nove mesi in Mongolia (3-e ultra parte) // *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VIII. Numero 2-1999. Pp. 34-69.
- Majd, 2003** – Majd, M.G. Persia in World War I and Its Conquest by Great Britain. Lanham, 2003.

- [Pre-War Diplomacy..., 1920](#) – Pre-War Diplomacy: The Russo-Japanese Problem. The Treaty Signed at Portsmouth, USA, 1905: Diary of I.J. Korostovetz. London, 1920.
- [Shuster, 1912](#) – *Shuster M.* The Strangling of Persia. New York, 1912.
- [The Cambridge History...](#) – The Cambridge History of British Foreign Policy. 1783–1919. Ed. by Sir A.W. Ward and G.P. Gooch. Vol.III. 1866–1919. Westport, Connecticut, 1971.
- [Trevelyan, 1940](#) – *Trevelyan G.M.* Grey of Fallodon. Being the Life of Sir Edward Grey afterwards viscount Grey of Fallodon. London-New York-Toronto, 1940.

References

- [AVPR](#) – Arkhiv vneshnei politiki Rossii.
- [Batsaikhan, 2018](#) – *Batsaikhan, O.* (2018). Ivan Jakovlevich Korostovets [Ivan Yakovlevich Korostovets]. *Mongolia Seichas*. 22.07.2018.
- [Browne, 1966](#) – *Browne, E.* (1966). The Persian Revolution of 1905–1909. London.
- [Dudin, 2017](#) – *Dudin, P.N.* (2017). I.Ya. Korostovetz, "the Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Urga in 1912. *Bylye Gody*. 43(1): 274-284.
- [F.N., 1934](#) – F.N. Anglo-russkie otnoshenia v Persii vo vremia mirovoi vojni [Anglo-Russian relations in Persia during World War]. *Krasnii Arkhiv*. Moskva. 1934. T. 4-5 (65-66). Pp. 86-93. [in Russian]
- [Gastone, 2020](#) – *Gastone, C.* (2020). Memoires. Olga I. Korostovetz (1895-1993). *Vospominania*. Olga Ivanovna Korostovets. Diario di Un'epoca. Torino.
- [Hale, 1920](#) – *Hale, F.* (1920). From Persian Uplands. New York.
- [Illiustrirovannaia Rossia](#) – Illiustrirovannaia Rossia [Illustrated Russia]. Parizh. 14.01.1933. №3. [in Russian]
- [Ishtiaq, 1974](#) – *Ishtiaq, A.* (1974). Anglo-Iranian Relations. 1905–1919. Bombay.
- [Kazemzadeh, 1968](#) – *Kazemzadeh, F.* (1968). Russia and Britain in Persia, 1864–1914. A Study of Imperialism. New Haven and London.
- [Khokhlov, 2012](#) – *Khokhlov, A.N.* (2012). Rossiiskii diplomat I.Ya.Korostovets i ego rol' v podgotovke tsitsikarskogo protokola 1911 g. [The Russian diplomat I.J.Korostovetz and his role in the preparation of Tsitsikar protocol of 1911.]. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*. 42(2): 259-275. [in Russian]
- [Korostovets, 1922](#) – *Korostovets, I.J.* (1922). Rossia na Dalnem Vostoke. Pekin.
- [Korostovets, 1934](#) – *Korostovets, I.J.* (1934). Ob uprochenii anglo-russkikh otnoshenii po persidskim delam [Strengthening Anglo-Russian relations in Persian affairs]. *Krasnii Arkhiv*. Moskva. 1934. Tom 4-5 (65-66). Pp. 93-117. [in Russian]
- [Korostovets, 1995](#) – *Korostovets, I.J.* (1995). Devyat' mesiatsev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Urge. Dekabr' 1912 g. – mai 1913 g. [Nine months in Mongolia. August 1912 – May 1913]. *Rossiane v Azii*. №2. Pp. 85-211; 1996. №3. Pp. 225-292. [in Russian]
- [Korostovets, 2004](#) – *Korostovets, I.J.* (2004). Ot Chingiskkhana do sovetsoi respubliki [From Genghis Khan to the Soviet Republic]. Ulan-Bator. [in Russian]
- [Korostovets, 2009](#) – *Korostovets, I.J.* (2009). Devyat' mesiatsev v Mongolii. Avgust 1912 – mai 1913 g. [Nine months in Mongolia. August 1912-May 1913]. Ulaanbatar. [in Russian]
- [Korostovetz](#) – *Korostovetz I.J.* Persian Arabesques. Vol. I (typescript).
- [Korostovetz, 1926](#) – *Korostovetz, I.J.* (1926). Von Cinggis Khan zur Sowjetrepublik: Eine kurze Geschichte der Mongolei unter besonderer Berucksichtigung der Neuesten Zeit. Berlin. [in German]
- [Korostovetz, 1998](#) – Ivan Jakovlevic' Korostovetz (1998). Nove mesi in Mongolia. *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VII. 3: 169-201.
- [Korostovetz, 1999](#) – Ivan Jakovlevic' Korostovetz (1999). Diario di un diplomatico russo in Mongolia (parte 2). *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VIII. 1: 130-166.
- [Korostovetz, 1999](#) – Ivan Jakovlevic' Korostovetz. Nove mesi in Mongolia (3-e ultra parte) // *SLAVIA. Rivista trimestrale di culture*. Anno VIII. Numero 2-1999. Pp. 34-69.
- [Majd, 2003](#) – *Majd, M.G.* (2003). Persia in World War I and Its Conquest by Great Britain. Lanham.
- [Mints, 1923](#) – *Mints, S.* (1923). Torgovlia Persii vo vremia vojni [Trade of Persia during the war]. *Novii Vostok*. 3. [in Russian]
- [Pre-War Diplomacy..., 1920](#) – Pre-War Diplomacy: The Russo-Japanese Problem. The Treaty Signed at Portsmouth, USA, 1905: Diary of I.J. Korostovetz. London, 1920.
- [Shuster, 1912](#) – *Shuster, M.* (1912). The Strangling of Persia. New York.
- [Skatchkov, 1960](#) – *Skatchkov, P.E.* (1960). Bibliografia Kitaia. Moskva.
- [Skif, 1912](#) – *Skif, S.* (1912). Persidskii vopros. Anglo-russkoye soglashenie, ego osnovnie printsipi i tseli i piatiletnie itogi [Persian question. Anglo-Russian agreement, its basic principles and goals and five-year results]. Moskva. [in Russian]
- [Smirnov, 2002](#) – *Smirnov, K.N.* (2002). Zapiski vospitatelya persidskogo shakha. 1907–1914 gg. S prilozheniami [Notes of the teacher of the Persian shah. 1907–1914. With applications]. Pod nauchnoi redaktsiei N.K. Ter-Oganova. Tel Aviv. [in Russian]
- [Ter-Oganov, 2009](#) – *Ter-Oganov, N.K.* (2009). Pismo N.G. Gartviga K.N. Smirnovu kak istochnik dlja kharakteristiki anglo-russkikh otnoshenii v Irane v nachale XX veka [Letter to N.G. Hartwig K.N. Smirnov as

a valuable source for characterizing Anglo-Russian relations in Iran at the beginning of the 20th century]. *Iran. Istoria, ekonomika, kultura*. Moskva. 2009. pp.207-216.

The Cambridge History... – The Cambridge History of British Foreign Policy. 1783–1919. Ed. By Sir A.W. Ward and G.P. Gooch. Vol.III. 1866–1919. Westport, Connecticut, 1971.

Tretyakova, 2015 – *Tretyakova, E.S.* (2015). Stanovlenie ministerstva inostrannikh del Rossiskoi imperii v XIX – v nachale XX veka [Formation of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Empire in the XIX – early XX century]. *Genesis: istoricheskie issledovania*. 3: 672–690. [in Russian]

Trevelyan, 1940 – *Trevelyan, G.M.* (1940). Grey of Fallodon. Being the Life of Sir Edward Grey afterwards viscount Grey of Fallodon. London-New York-Toronto.

Witte, 1922 – *Witte, S.Yu.* (1922). Vospominania. Tsartstvovanie Nikolaya II [Memories. Reign of Nicholas II]. Berlin. Tom I. [in Russian]

Zinov'iev, 1912 – *Zinov'iev, I.A.* (1912). Rossia, Anglia i Persia [Russia, England and Persia]. Sankt-Peterburg. 1912. [in Russian]

Иван Яковлевич Коростовец – российский, императорский дипломат и исследователь – из Китая в Персию

Нугзар Константинович Тер-Оганов ^{a, b, c, *}

^a Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль

^b Черкас глобальный университет (Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований), Вашингтон, США

^c Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В предлагаемой статье изучена богатая дипломатическая и исследовательская деятельность Ивана Яковлевича Коростовца в странах Дальнего Востока и Персии. Глубокие знания и практическое знакомство с Китаем и Монголией дали возможность И.Я. Коростовцу заняться научным исследованием истории этих стран, в результате которого был опубликован ряд интересных работ. Благодаря профессионализму, в 1905 г. он был избран секретарем в составе российской делегации, возглавляемой С.Ю. Витте на Портсмутской мирной конференции. Он же сыграл важную роль в деле завоевания Монголией политической независимости, за что спустя столетие, в 2014 г., благодарный монгольский народ в своей столице воздвиг ему памятник.

Перед самым началом Первой мировой войны И.Я. Коростовец стал востребован на Среднем Востоке: в октябре 1913 г. он был назначен чрезвычайным и полномочным посланником в Тегеране. Несмотря на короткий срок его службы в Персии, он оставил заметный след в истории русско-персидских отношений. Его дипломатическая деятельность в Персии пришлась на драматический период мировой и, в частности, русской истории – на начало Первой мировой войны, изменившей политическую ситуацию на Ближнем и Среднем Востоке.

В статье показано, как вопреки сложившемуся перед войной англо-русскому союзничеству, стороны с особой принципиальностью продолжали бороться за политическое и экономическое преобладание в этой стране в ущерб другой стороне. В самый разгар войны протесты между И.Я. Коростовцем и его английским визави в Тегеране сэром Уолтером Таунли достигли такого накала, который мог поставить под вопрос совместные действия России и Англии в Европе против общего противника. Несмотря на генеральную линию российского МИДа, во главе которого стоял архитектор англо-русского сближения А.П. Извольский, нацеленную на достижение максимального согласия с англичанами в Персии в ущерб даже российским интересам в этой стране, И.Я. Коростовец, как монархист, не разделял позицию этого ведомства.

Как бы странно это ни выглядело, но жесткое отстаивание И.Я. Коростовцем российских интересов в Персии и его бескомпромиссное противостояние английскому коллеге У. Таунли послужило причиной его отъезда на родину.

Следует заметить, что И.Я. Коростовец является автором относящихся к Персии интересных служебных докладов, в которых дается анализ происходивших в этой стране политических событий. И после отъезда в Россию, и даже находясь в эмиграции, И.Я. Коростовец продолжал интересоваться происходившими в Персии событиями, что нашло отражение в его неопубликованных политических воспоминаниях «Персидские Арабески», охватывающих историю русско-персидских отношений с 1913 по 1929 годы.

Ключевые слова: И.Я. Коростовец, русская дипломатия, Портсмутская мирная конференция, создание независимой Монголии, С.Ю. Витте, каджарская Персия, А.П. Извольский, Н.Г. Гартвиг, С.А. Поклевский-Козелл, У. Таунли, С.Д. Сазонов, Николай II.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nugzar19473@gmail.com (Н.К. Тер-Оганов)